

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 2000 г., ЭО, № 5

Л.П. Потапов

КУЛЬТУРА АЛТАЙЦЕВ – НАСЛЕДНИЦА ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Под общим названием «алтайцы» ныне выступает тюркоязычное население Русского Горного Алтая, вошедшее в состав России в середине XVIII в. (Здесь в 1922 г. была образована Горно-Алтайская автономная область.) До Октябрьской революции это население долгое время неправильно именовали калмыками, видимо, по антропологическому признаку – монголоидным чертам физического типа. Но и это название не было однозначным, так как их называли то горными, то алтайскими или даже бийскими (по Бийскому у.) калмыками. Только после реформы 1822 г. их этническое название заменили на сословное географическое и они стали именоваться «алтайскими инородцами».

Необходимо отметить, что это население Алтая до Октябрьской революции не имело своего общего самоназвания, а именовало себя по входящим в него родам (сеокам) или племенам. Среди таких названий сохранились и некоторые наименования тюркских и монгольских народов древности и средневековья, например таких, как *кыпчаки* (*команы* в византийских источниках, или *половцы* в русских летописях), *тюргеши* (западные древние тюрки), *теленгиты* (*доланьге* и *толанко* в китайских летописях, *телеуты* в русских исторических источниках), *найманы*, *дербеты*, *чоросы* (*западные монголы*, или *джунгары* в письменных источниках) и др.

Эти и другие названия древних и средневековых народов, выступающие теперь как родовые, служат прямым свидетельством сложного этнического состава современных алтайцев, указывая в нем на ряд конкретных этнических компонентов¹. Они – ценный исторический источник, который донесли донныне современные алтайцы и который имеет важное значение для исторической науки, в частности для востоковедов и этнографов.

Преобразование древних и средневековых этнонимов в названия алтайских сеоков вполне объяснимо и подтверждает особенность исторического процесса, протекавшего в Центральной Азии и прилегающих районах. Как удостоверено историческими источниками, процесс этот начиная с III в. до н. э. и позднее, вплоть до позднего средневековья, характеризовался постоянным возникновением и разрушением военно-политических объединений и государств кочевников с частой сменой вождей и династий. Особенностью данного процесса было то, что разгромленные и рассеянные в очередной войне или походе кочевники вскоре вступали в новые комбинации родов и племен в том или ином месте, иногда под тем же названием. Секрет такого феномена состоял в простоте производственного механизма кочевников, базировавшегося на пастбищном скотоводстве и родоплеменной структуре общественного устройства. Оба эти фактора позволяли кочевникам быстро воспроизводить свою жизнь в традиционных формах.

О характере производства кочевников как основы их традиционной культуры речь пойдет ниже. Теперь же в связи со спецификой формирования этнического состава необходимо сказать о родоплеменной структуре общественного устройства, которая

возникла и закрепились под влиянием материальных условий жизни кочевников и заняла видное место в общей традиционной культуре.

Родоплеменная структура с устойчивым самоназванием каждого племени и рода, основанная на признании генеалогического родства членов этих подразделений, выполняла у тюркских кочевников двойную функцию. С одной стороны, она фиксировала реальные этнические единицы в составе того или иного объединения или государства, в которых сородичи или соплеменники считали себя связанными общностью происхождения, языком и т.д. С другой стороны, племена и роды выступали как звенья общественного и административного устройства. При круглогодичном выпасе скота каждой семье требовалась значительная территория. Поэтому кочевники жили разрозненно мелкими группами на большом пространстве. Объединять их в устойчивые территориальные административные единицы было невозможно, как невозможно было оставить без управления кочующее население, формировать из него ополчение для ведения войн, походов, защиты от грабительских набегов, вести учет состава и движения населения, организовывать облавные охоты на зверей, вершить суд в рамках обычного права или в нормах, установленных в более высоких структурах власти в объединениях и государствах кочевников, и т.д.

Изложенное выше показывает, что в современной культуре алтайцев сохранился весьма существенный элемент древней культуры азиатских тюркских кочевников. Хотя у алтайцев родоплеменное деление потеряло реальное значение, оно тем не менее сохраняет роль историко-научного наследия. Данное деление с его устойчивыми названиями, многие из которых идут из глубокой древности, пополняет источниковедческий фонд для исследования этнического состава и происхождения тюркских и монгольских народов. Практически это уже доказано в литературе в отношении алтайцев.

Перейдем к рассмотрению традиционной культуры алтайцев в общем плане на конкретном материале, черпая его из древних и средневековых письменных исторических источников (китайских, византийских, тюркских рунических, монгольских, русских и др.), а также из археологических находок погребений кочевников, обнаруженных и исследованных преимущественно на территории Алтая. Разумеется, необходимо и широкое привлечение этнографических данных.

Начать следует с характеристики главной отрасли хозяйства кочевников – пастбищного скотоводства. Значение его для жизни кочевников четко и кратко сформулировано в китайской летописи при описании древних тюрков, про которых сказано: «Судьба их полностью и целиком зависит от овец и лошадей». Для того чтобы прокормить свой скот, как указывает летопись, кочевники «переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде»².

Скотоводство как основная отрасль обеспечивало кочевникам их материальный быт в рамках натурального хозяйства. Это пища, одежда, жилище, средства передвижения. Мясо разводимого скота шло в пищу, а молоко – на изготовление многих видов молочной продукции. К ней относились кумыс и другие напитки, приготовляемые из заквашенного молока, а также сметана, сливки, масло и различные виды сыра. Кроме наиболее распространенного вида мяса, разведение овец доставляло шерсть, массовое изделие из которой – войлок – шло на покрытие юрты – жилища переносного типа. Войлоком застилали земляной пол юрты, использовался он и для устройства постели. Из него шили сумки, употребляли при шитье обуви, некоторых видов одежды (куртки, шапки) и т.д.

Распространенным материалом для изготовления теплой верхней одежды и шапок являлась овчина. Одежда из нее была более всего приспособлена к неустойчивому климату. Отделка осуществлялась при помощи какой-либо цветной ткани, преимущественно китайского производства. Ткани из Китая поступали в большом количестве в качестве «дара» китайского двора, а по существу – как своего рода «дань» во избежание военных грабительских набегов на империю, а порой за несение военной службы на стороне Китая во время его военных походов или по охране границ

империи. Разумеется, поступали ткани и в обмен на скот, особенно много – за доставку лошадей для императорских войск.

Тюркские кони высоко ценились в Китае за их силу, выносливость и ловкость, а также прочность копыт (их не подковывали). Кони были неприхотливы и довольствовались подножным кормом. В исторических китайских источниках много страниц посвящено описанию коней у тюрков в целом и у отдельных племен в частности. Древние тюрки были опытными коневодами. Они обогатили эту отрасль пастбищного скотоводства разведением ценных пород лошадей и тем самым внесли большой вклад в культуру хозяйственного освоения труднодоступных и климатически суровых регионов.

Выделанная или сыромятная кожа домашних животных употреблялась для изготовления обуви, тех или иных видов одежды, верховой конской сбруи (седельные подушки, узды, чепраки, подпруги), ремней, арканов, сумок, мешков, сосудов для хранения молочных напитков. Кожаные изделия украшались тисненым орнаментом, некоторые из них представляли собой художественную ценность.

Домашняя утварь не билась и была хорошо приспособлена для перевозок при перекочевке верховым, вьючным транспортом. Это относится и к разборному жилищу – войлочной юрте. Она состояла из складных решетчатых стен, устанавливаемых по кругу в любом месте. Ее куполообразную крышу составляли гнутые (ивовые) палки, прикрепляемые одним концом к верхнему краю стенки, а другим – к деревянному кругу, устанавливаемому над серединой юрты и служащему дымовым отверстием для очага, который находился на земляном полу в центре юрты. Крышу и стены юрты покрывали специально выкроенными кусками войлока, которые накладывались друг на друга и опоясывались шерстяными широкими лентами, иногда украшенными вышитым цветным орнаментом, что придавало юрте нарядный вид. Войлочная юрта древних тюрков как вид жилища была приспособлена к кочевому образу жизни в различных климатических условиях. В ней сохранялись тепло зимой и прохлада в летнюю жару. Она хорошо защищала от дождя, бурь и снегопада.

Юрту высоко ценили не одни лишь кочевники. Ее достоинствами восхищались и в цивилизованном Китае. Даже поэты восхваляли уют и защитные свойства войлочной юрты при изменчивой погоде. Известный китайский поэт Танской династии По-кюй в двух стихотворениях превозносил ее удобства и красоту. Некоторые китайцы, в том числе и По-кюй, ставили юрты у себя во дворе³. Войлочная юрта представляла собой не только важное достижение культуры тюркских кочевников, но, несомненно, являлась их ценным вкладом в культуру народов мира.

Внутреннее убранство юрты, придававшее ей живописный вид, состояло главным образом из войлочных ковров, устилавших пол и покрывавших часть стен. Войлок обычно был украшен орнаментом. Его делали из разноцветной шерсти и вкатывали в войлок. Но чаще орнамент представлял собой аппликацию из цветной материи. пышно украшались юрты правящей племенной и родовой верхушки, особенно каганов.

Из упомянутых отраслей хозяйства следует подробнее остановиться на скотоводстве, так как оно определяло облик и содержание быта, а также культуры кочевников, своеобразие и специфику последней среди других древних культур населения Центральной Азии, где существовали уже крупные государства с их развитой цивилизацией, вошедшей в мировую историю.

В скотоводстве древних тюркских кочевников приоритетное значение получило коневодство. Разведение и содержание стад этого исключительно ценного домашнего животного оказали положительное воздействие на хозяйство, культуру и быт местных племен, находившихся на весьма низкой ступени хозяйственного и культурного развития. Конь приобрел главенствующую роль не только потому, что давал мясо и жир для еды, кожу и волос для многих хозяйственных и бытовых изделий. Прежде всего он служил транспортным средством, что стало возможным с изобретением верхового седла с деревянной основой и стременами, а также седла вьючного. Это изобретение совершило, можно сказать, настоящую революцию в хозяйственной и культурной

жизни, превратив скотоводов в кочевников. Седло, стремяна и различная ременная сбруя верхового коня давно и прочно вошли в традиционную культуру. Все эти предметы археологи находят в различных районах Саяно-Алтая в погребениях кочевников древнетюркского времени. Были даже обнаружены находки древней деревянной основы седла, такого же, как и у современных алтайцев.

Для того чтобы показать роль и значение верхового коня в культуре и быте кочевников на конкретном материале, начать следует с такого факта. Превращение скотоводства в ведущую отрасль хозяйства было обусловлено появлением широкого «горизонтального» кочевания, охватившего огромные территории. Это стало возможным благодаря коню как главному транспортному средству. Как легкое и быстрое средство передвижения верховой конь мог восстанавливать свои силы и снабжать себя естественным кормом. Он помогал разыскивать новые обильные, хотя и далекие пастбища, расширял кормовую базу кочевого скотоводства, увеличивал количество разводимого скота.

Быстро развивалось и овцеводство. Дальний от жилища выпас превратил его в пастушеское, охраняемое только наездниками-пастухами и разводимыми с этой целью сторожевыми собаками. Конные разведки пастбищ и выпас позволили включить в хозяйственное использование далекие необитаемые труднопроходимые территории, изучить характер и особенности травостоя и питьевых ресурсов, наиболее благоприятные ландшафты и места для зимних пастбищ (малоснежные, обдуваемые зимним ветром долины, лога и т.д.). В трудных условиях зимы со снежными заносами, а иногда и джутом табуны лошадей прокладывали путь для передвижения овец по пастбищам, облегчая им добычу корма.

Кочевники прекрасно оценили и использовали коня для перевозки грузов вьючным способом. На этой основе осуществлялись как перекочевки отдельных семей, так и массовые переселения их при сезонных кочеваниях, освоении новой территории, расширяющийся круг которой включал в хозяйственное освоение многие необжитые земли, особенно в горных и горно-лесных, а также степных районах Центральной Азии и прилегающих к ней регионов.

Верховое коневодство породило в рассматриваемое время специализированную отрасль. Речь идет о разведении лошадей для конницы, слава о которой выходила далеко за пределы мира кочевников. Она была грозой для соседних и более отдаленных оседлых государств, в частности Китая, который в свое время вынужден был построить Великую стену в качестве защиты от набегов кочевников. В одной из китайских летописей про древних тюрков записано: «Сила их заключается лишь в верховой езде и стрельбе из лука»⁴. Здесь же сказано о том, что лошади у них составляют и военный провиант. Вооруженные грабительские набеги на соседние государства или иноплеменных соседей были обычной нормой, своего рода «промыслом» у кочевников благодаря наличию у них вооруженных конных отрядов.

Кроме всего прочего, верховой конь способствовал контактам и объединению родственных и не только родственных родов и племен в крупные военные конфедеративные союзы. В этом процессе появились и первые государства кочевников, хорошо известные в истории Центральной Азии.

Открывавшиеся благодаря верховому коневодству широкие возможности для развития разнообразных мирных, культурных, торговых и военных контактов с государствами и народами огромного центрально-азиатского региона послужили стимулом и условием для поднятия уровня культуры.

Не будет преувеличением сказать и о том, что предки алтайцев внесли существенный вклад в генетический фонд коневодства, выведя ценные породы коней, хорошо приспособленных к суровым природным условиям районов Центральной Азии. На таких лошадях кочевники совершали быстрые марши на длительные расстояния. При этом каждый всадник вел за собой запасную лошадь, пересаживаясь поочередно с одной на другую. Я сам неоднократно совершенно свободно делал летним днем на Алтае переезды по 60–70 км на алтайской лошади, идущей преимущественно уско-

ренным шагом, или, как говорят местные русские крестьяне, «ступью» (по-алтайски *дьеле чорго* - «тихая рысь»).

Не имея возможности охарактеризовать в целом многочисленные достоинства коня в верховом коневодстве при кочевом образе жизни, стоит заметить, что и сами кочевники отлично это осознали. Конь, особенно верховой, был любимым домашним животным, без которого кочевник не представлял свою жизнь не только на этом, но и «на том свете». Такое отношение ярко отразилось в культе коня в религиозных верованиях и устном народном творчестве. Оно сформулировано в алтайском эпосе следующим образом:

Умрем – кости будут в одном месте;
Живы будем – жизнь у нас вместе⁵.

Так мотивирован обычай погребать коня вместе с умершим хозяином. Этот обычай воплощен в захоронениях кочевников как древнетюркского времени, так и у алтайцев, где он зафиксирован еще в начале XX столетия.

Постоянное общение древнетюркских кочевников с азиатскими цивилизациями весьма подняло и обогатило их общую культуру новыми достижениями при сохранении своей традиционной, о чем будет сказано ниже. О значении коня в сознании кочевников свидетельствует тот факт, что он вошел в состав культовых животных, воспевался в фольклоре, глазным образом в эпосе, был объектом изобразительного искусства.

Вместе с тем традиционная культура древних кочевников базировалась не только на кочевом скотоводстве. В ее формирование внесли свой вклад и другие виды хозяйственной деятельности, такие, как охота на зверя, кузнечное дело. Охота на зверя носила хотя и существенный, но все же подсобный характер. Она пополняла хозяйственные запасы мясом и шкурами копытных зверей, а также ценной пушниной, шедшей на изготовление одежды, ее отделку и т.д., служившей ценным продуктом обмена и порой входившей в состав дани. Нельзя не отметить положительную роль охоты в физическом развитии и воспитании мужской части населения.

Видную роль в культуре древнетюркских кочевников в целом играло умение добывать руду, плавить железо и изготавливать из него широкий ассортимент изделий, пользовавшихся не только массовым спросом в среде самих кочевников, но и оседлых соседей. Известен эпизод, когда до образования у кочевников государства они были завоеваны и обращены в данников, обязанных поставлять жужаням железные изделия. Жужанский каган называл их «своими кузнецами». Потребность в железных изделиях как у тюрко-, так и у монголоязычных кочевников была огромной. Только одним удил, стремян, различных пряжек для подпруг и других приспособлений для верховой езды и конской сбруи постоянно требовалось очень много, особенно для конницы – главного вида боевых соединений. Военные походы и набеги, оборонительные операции обеспечивались при помощи конницы. А сколько оружия, а также боевых доспехов было необходимо для ведения дальнего и ближнего боя! Воины испытывали большую потребность и в наконечниках для стрел. Как уже говорилось, тюрки славились своей многочисленной конницей, посредством которой им удавалось временами распространять свое господство на обширные территории от Средней Азии до Ляодунского залива с запада на восток и от Китая до Байкала и Саян. Русского и Монгольского Алтая с юга на север. Расход стрел в обстановке постоянных военных походов был необычайно велик, и запас их постоянно пополнялся.

Древние тюрки вполне справлялись с производством подобных изделий. Не говоря уже о том, что они обеспечивали себя такими массовыми бытовыми предметами, как таганы, котлы, ножи, тесла, топоры и др. Более того, древние тюрки обменивали железо на продукцию земледельческого населения соседних стран. Все это свидетельствует о том, что у древнетюркских кочевников имелась хорошо функционировавшая собственная индустрия – хотя и легкая, но массовая. Массовое производство изделий

осуществлялось домашним способом, не требовавшим специальных производственных стационарных строений. Добывать железо из руды, плавить его сыродутным способом и обрабатывать у себя в юрте умели в каждой семье, точно так же, как катать войлок или выделывать шкуры.

Таким образом, традиционная материальная культура древнетюркских кочевников, включая культуру древних обитателей Горного Алтая, основывалась на развитой и разнообразной хозяйственной деятельности. Характерной чертой ее были весьма удачное приспособление к местным природным условиям, их умелое и комплексное использование в хозяйственных целях без ущерба природной среде, бережное отношение к последней и ее естественным богатствам. Такое отношение было закреплено в религиозных народных верованиях. Его можно наблюдать и у современных исторических потомков древних тюрков – тюркоязычного населения Алтае-Саянского нагорья.

Разумеется, культура древнетюркских кочевников не ограничивалась только спецификой материального производства и кочевого быта. Она проявлялась и в ярких чертах интеллектуальной и духовной сферы жизни, которые уже на первых порах во многом были обусловлены возможностью общения кочевников со многими близкими и далекими соседями, особенно с сильными и развитыми государствами Центральной и Средней Азии (Китай, Иран, Согдиана и др.). В этом отношении определяющее значение имели развитие коневодства и освоение коня как главного и массового транспортного средства. Возникшие и непрерывно развивавшиеся, ставшие постоянными различного рода международные связи (экономические, политические, военные, культурные и др.) древнетюркских кочевников открыли возможности для общего повышения их культуры и способствовали поднятию ее уровня вплоть до появления древнетюркской письменности и литературы.

Ныне уже установлено, что древнетюркский буквенный рунический алфавит, дошедшие до нас надписи (на каменных стелах, скалах или отдельных камнях) были созданы на основе буквенного письма среднеазиатских ираноязычных народов, среди которых главную роль сыграли согдийцы, обладавшие своим курсивным письмом⁶. Обнаруженные к настоящему времени древнетюркские надписи на территории современной Монголии, Тувы, Горного Алтая, Хакасии и др. датируются VII–IX вв.; даже самые ранние из них свидетельствуют о существовании у древних тюрков письменной литературы и литературного языка. Некоторые из рунических текстов представляют собой исторические повествования о каганах и событиях, связанных с их жизнью, и имеют имя автора текста. Большая же часть их представляет надгробные надписи, посвященные умершим. Эти эпитафии содержат конкретные имена, сообщают об имуществе, которым обладал при жизни умерший, и другие сведения.

Язык упомянутых памятников рунического письма ныне хорошо изучен тюркологами. Он не был единым нормированным языком для всех древних тюрков, а содержал элементы двух больших групп, из которых одна – уйгурская, т.е. племен и народностей *теле*. Выяснилось и то обстоятельство, что этот язык формировался на основе языков многих древнетюркских племен и народностей и впитал в себя их устные эпические традиции, прослеживаемые донныне у тех же алтайцев.

Интерес к древнетюркскому языку в то время проявляли и китайцы. Имеются сведения, что в Китае был создан словарь древнетюркского языка, хотя обнаружить его пока не удалось. Китайские монахи-буддисты перевели на язык тюркю Нирванасутру и преподнесли ее одному из каганов, который собирался завести у себя буддизм и построить храмы. Однако этого не случилось, потому что один из представителей высшей военной аристократии кочевников указал ему на вред такого намерения: «Нам не следует возводить постоянные строения и тем самым разрушать свой обычай быть ничем не связанными. В противном случае Китайская империя уничтожила бы нас... Буддизм приносит людям представление о доброте и слабости, а это не является верным путем для ведения войны и завоевания власти»⁷.

Мы имеем дело с важным документальным свидетельством. Оно зафиксировано в

китайских письменных источниках. Из него следует, что в эпоху своей государственности судьба древнетюркской традиционной культуры, сложившейся естественным путем, находилась под воздействием идеологии правящей каганской верхушки и окружавшей ее военной кочевой аристократии. Эти социальные слои стремились законсервировать традиционную культуру и быт, основанные на кочевом образе жизни, не допустить перехода на оседлость со свойственными ей производительными формами хозяйства и многообразием отраслей труда. Они предпочитали производительному труду войны и грабительские набеги, превращая их в способ добывания материальных благ и обогащения, приучая к этому рядовых кочевников. И такое каганской верхушке и военной кочевой аристократии, а также их потомкам удавалось делать на протяжении многих веков. Жестокость и власть пропагандировались как приоритетные нормы жизни. Отсюда неприятие и таких форм религии, которые исповедовали добро и смирение, что считалось признаком слабости, подрывающим сильную власть, способную управлять массой рядовых вооруженных кочевников.

Указанные выше письменность и литературные произведения, высеченные на камнях, а следовательно, и грамотность являлись преимущественно уделом высших социальных слоев древнетюркских кочевников. Рядовых кочевников специально грамоте не обучали. В их среде были широко распространены устное народное творчество, устная литература, особенно эпос. Следы последнего до сего времени прослеживаются в эпосе алтайцев⁸. Анализ древнетюркских мемориальных надписей обнаруживает по отдельным их фрагментам не только характер и структуру эпоса, но и более мелкие жанры фольклора.

Что касается науки древних тюрков, то о ней нам ничего не известно. Видимо, ее не существовало. Кое-какие научные знания проникали из Китая, иранских государств и касались астрологии – знания звезд и планет. Звезды, созвездия и планеты имели свои названия, иногда связанные с мифами. Обширными были собственно народные знания, основанные на опыте и наблюдениях. Они относились к местной живой природе, особенно к животному и растительному миру. Хорошо были известны виды зверей и домашних животных, их анатомия, образ жизни и корм, повадки и характер, сезонные миграции и т.д. Хорошо знали кочевники пастбищные угодья, в частности состав трав для пастбы различного вида скота, питьевую воду и др. В круг знаний такого рода входило и расположение долин, на которых зимой ветры постоянно сдували снег или, наоборот, наносили сугробы. У кочевников имелась прекрасно разработанная система измерения длины, расстояния, веса, глубины, времени – суточного, месячного, годового, а также определения объема сыпучих и жидких тел и т.д.

Все измерительные единицы имели свою устойчивую терминологию, дошедшую к настоящему времени как до алтайцев, так и до их тюркоязычных соседей.

Особо следует сказать об измерении времени, прежде всего о календаре. Народный календарь представляет собой широко распространенное в Восточной Азии с древности годовое исчисление времени 12-летними циклами. Каждый год цикла носил название определенного животного, и все годы следовали один за другим в точном порядке. Сами циклы не суммировались. Возраст человека определялся количеством полных 12-летних циклов с его рождения с добавлением лет, прожитых в неполном очередном цикле.

В некоторых рунических памятниках иногда указывается год смерти человека по 12-летнему циклу с числовым указанием месяца этого года. В народе эти месяцы имели собственное название. Но такие названия не были общими и различались у отдельных народов и племен. Наименования эти давались либо по хозяйственному признаку (месяц собирания кандыка, месяц охоты на марала), либо по фенологическим признакам (большой жаркий месяц, малый морозный месяц, месяц бурундука и т.д.). Деления месяца на недели, а недели на дни не было. Каганы иногда обращались с письмами к китайскому императору, датируя их годом 12-летнего цикла и числовым названием месяца и дня. В китайских источниках приводится факт, свидетельствующий

щий о дарении одному из каганов китайского календаря (с обозначением лет по 12-летнему циклу).

В традиционной культуре были широко распространены различные фигурные бляшки из серебра, золота, бронзы, украшения для поясов, конской сбруи и другие произведения декоративно-прикладного искусства. Пояс с наборными бляхами носил почти каждый мужчина. Получило свое развитие и орнаментальное искусство, имевшее прикладной характер.

К числу памятников изобразительного искусства кочевников можно отнести каменные антропоморфные фигуры – так называемые каменные бабы, а также наскальные рисунки (петроглифы), преимущественно выбитые в камне. Последние иногда представляют как сцены охоты на зверей, так и бытовые. Наиболее часто встречаются изображения различных зверей, а также человеческие фигуры. Данный вид искусства был связан с магией и религиозными представлениями, о чем свидетельствует локализация петроглифов в определенных местах.

В традиционной культуре видное место занимала религия древних тюрков, исповадовавших шаманизм. Несколько десятилетий тому назад в науке, главным образом зарубежной, распространилось мнение (М.Элиаде), что шаманизм не является религией, а представляет собой лишь архаическую технику экстаза. Это мнение было опровергнуто в моем специальном исследовании «Алтайский шаманизм» (Л., 1991). Профессиональными служителями этой религии были камы (шаманы). В пантеон входили такие главные божества, как Тэнгри (Небо), Умай (богиня плодородия), Иерсу (главное божество природы, гор и рек). Почитание этих божеств под теми же именами сохранилось у алтайцев до наших дней, как и многие древнетюркские культы – огня, гор, пещер, рек, тайги, отдельных зверей, деревьев и др.

Было бы удивительно, если бы у древних тюрков, достигших такой степени развития культуры, когда появляются собственные письменность и литература, не имелось религии (если не признавать за религию шаманизм). Документально доказано, что понятие и представление о религии как таковой были хорошо известны древним тюркам. Они остались при своей религии, которая широко распространилась среди рядовых кочевников. Она отличалась большой устойчивостью, сохраняла собственные догмы и каноны, пантеон, по крайней мере с середины I тыс. до нашего XX столетия, несмотря на ее вербальный характер и отсутствие письменного закрепления теологии у древних тюрков.

Такова была в общих чертах традиционная древняя культура тюркских кочевников, сложившаяся в середине I тыс. на обширном пространстве в восточной части Центральной Азии, включая и территорию Горного Алтая. Ее отличала высокая приспособленность к местной природе с ее разнообразными горно-степными и горно-таежными ландшафтами. На основе этой культуры на протяжении веков развивались многие поколения тюркоязычного населения, в том числе алтайцев.

У современных алтайцев эта культура претерпела значительные изменения, главным образом под влиянием общения алтайцев с русским крестьянством после вхождения их в состав Русского государства во второй половине XVIII в. и особенно в период Октябрьской революции в процессе социалистического переустройства всей жизни алтайцев. Изменения эти характеризовались как пополнением ее новыми элементами, так и вытеснением и исчезновением традиционных национальных черт и особенностей.

Здесь нет нужды отмечать конкретные новые и значительные изменения в области хозяйства, домашнего быта и культуры алтайцев. Такого рода материалы широко представлены как в печати, так и в этнографической литературе. Напомню только о наивысшем достижении современной национальной культуры алтайцев – обретении ими своей письменности и литературы (прозы и поэзии), основателями которой стали М. Чевалков в дореволюционное время и П. Кучияк в послереволюционный период. Появились собственные национальные издательство, писательская организация, живопись (художники Г.И. Гуркин, Н.И. Чевалков и их школы), театр, научный центр,

Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Благодаря последнему получили развитие собирание и исследование фольклора, особенно героического эпоса.

Как известно, жанр героического эпоса был весьма распространен у древних тюрков. Ныне даже установлено, что письменный литературный язык древних рунических памятников «возник и развивался на основе устно-эпической традиции крупных племенных объединений древних тюрков» (А.Н. Кононов). Алтайский эпос, дошедший до наших дней, хорошо подтверждает такой исследовательский результат. Углубленное сравнительное изучение его д-ром филол. наук, проф. С.С. Суразаковым (первым ученым из алтайцев, удостоенным высокой научной степени и звания) выявило общие черты современного алтайского эпоса с древнетюркскими руническими письменно-литературными памятниками. Сходными оказываются их поэтические приемы, средства и эпический стиль с его эпитетами, метафорами, сравнениями. Зачины повествований об умерших каганах или других правителях древних тюрков и зачины о богатырях в алтайском эпосе тоже сходны.

В обоих видах памятников совпадают отдельные стандартные выражения и формулы, лексика, имена божеств, мужские двойные или сдвоенные имена, названия родственников и свойственников. Сходство распространяется и на упоминания некоторых обрядов и обычаев, таких, как инициация, ритуальное оплакивание умершего, и даже само название ритуального плача – *сыгым*. Этот обряд и соответствующие ему тексты оплакивания сохранились у алтайцев до наших дней. Показателен и тот факт, что современные сказители эпоса у алтайцев исполняют его как «горловым» пением (*кайчы*), так и рассказом. Оба эти приема, различающиеся размером, допускающим только определенное количество слогов, присутствуют и в рунических памятниках.

Можно было бы продолжить перечень достижений современной культуры алтайцев, связанной с советизацией их общественного строя. Однако вернемся к их народной древней и самобытной культуре, которая продолжает сохраняться в традиционной форме в различных областях их повседневной жизни. Это свидетельствует о стойкости народной культуры и ее прочной связи с природой Алтая. Многие элементы культуры проявляются в исконных хозяйственных занятиях – скотоводстве и охоте на зверя.

Алтайцы, как и их древние предки, – прекрасные скотоводы, специалисты по разведению и пастбищному содержанию скота, особенно лошадей и овец. Они знатоки естественных местных летних и зимних пастбищных угодий, их травосоя, источников водопоя, защищенности от ветров и обильных снегопадов. Они хорошо знают породы скота, их поведение в различных природных и погодных условиях, кормовые приращения и т.д.

В результате контактов с русским крестьянством алтайцы еще в дореволюционное время освоили заготовку сена при помощи косы, что стимулировало разведение дойных коров. Впрочем, они сохранили и древний способ вырывания травы, свивания ее в жгуты и развешивания на деревьях для сушки. Безусловно, таким образом заготавливалось лишь небольшое количество сена, необходимое для прокорма молодняка. Древность подобной заготовки подтверждают находки сухих травяных жгутов при раскопках некоторых древнетюркских курганов. Жгутами набивали куклу, имитирующую покойника, так как труп, по-видимому, не был найден (погиб вне дома?) и похороны имели символический характер (погребение-кенотаф).

Сохранялись древние виды продукции скотоводства (сухой сыр, кумыс, арака и др.). О них говорится еще в китайских летописных известиях, а куски такого твердого, высушенного над дымом сыра обнаружены в одном из погребений древнетюркского времени. Их пригодность к употреблению удостоверяла собака, находившаяся рядом с раскопом и сумевшая украсть и съесть такой кусок. Выделка шкур и кож домашних животных и копытных зверей, инструменты и орудия труда для этого (скребки, кожемалки и т.д.) производились традиционным древнейшим способом. Изделия отличались высоким качеством и надежностью.

Верховой конь у алтайцев – главный вид местного транспорта, как и у древних кочевников. Седло для коня с деревянной основой, войлочной подушкой, покрытой кожей, не изменилось со времен древних тюрков, судя по находкам в курганах. Ременная часть сбруи (узды, нагрудник, потфeya) украшались набором металлических бляшек, а подпруги имели железные пряжки. Все это, как и удила, и стремяна, делалось в домашних кузницах. Конская верховая сбруя у алтайцев, как показывает сравнение ее с аналогичными предметами из раскопок курганов древнетюркского времени, повторяет ту, которая существовала в этом регионе в древности.

Приспособленность сбруи к условиям верховой езды по горным тропам, тайге, речным бродам, ее прочность и подогнанность к лошади, некоторые специальные детали для багажа всадника – все это обеспечивает алтайскому седлу приоритет перед покупным, заводского производства. Умение изготавливать седло и сбрую верхового коня сохраняется ныне в качестве одного из элементов традиционной культуры.

То же самое можно сказать и в отношении ряда древних традиционных орудий труда, имеющих практическое значение в повседневной жизни сельского населения алтайцев. К ним относятся, например, железные тесла для изготовления деревянной утвари и посуды (чашки, блюда, подойники, кадки, колоды, ступки и песты и т.д.), своеобразной формы топор, напоминающий маленькую мотыгу. Последний насаживался на рукоятку лезвием перпендикулярно топоричу. Дерево им срубали по кругу ствола, ударяя сверху по направлению к себе. Им же рубили срубы из бревен для тех или иных хозяйственных нужд. Такие топоры (по-алтайски *керги*) я видел у алтайцев неоднократно. Они часто попадаются среди погребального инвентаря в упомянутых выше курганах. К сказанному добавим различные железные скребки для выделки шкур и кожи зверей и домашних животных, аналогичные находимым в курганах.

Специфичны также и стрелы-«свистунки», железный наконечник которых снабжен полым костяным шариком с отверстиями. Китайские летописи упоминают их в составе вооружения древних тюрков. Во время полета подобная стрела издаст звук. При массовом применении, по утверждению летописцев, они наводили страх на противников тюрков. У современных же алтайцев стрелы-«свистунки» выпускались охотниками по бегущему маралу, заставляя его на мгновение остановиться и прислушаться к звуку. По-алтайски такая стрела называется *сыгыр ок* (букв. «свистящая стрела»).

К указанному можно было бы добавить традиционные орудия труда, используемые в домашнем хозяйстве, а также орудия труда и утварь, связанные с небольшими посевами ячменя, обработкой зерна (мотыги, железные наконечники для деревянных сошников, зернотерки и ручные мельницы, деревянные ступы и песты и т.д.).

Черты традиционной культуры сохранили юрта с войлочным покрытием, длиннополая запашная меховая одежда. Последняя была удобна при верховой езде, особенно в холодное время года, так как имела удобный покрой (левая пола была сверху). То же можно сказать и об обуви – кожаной и меховой, сшитой из камуса и носимой с войлочными чулками. Принадлежностью мужского костюма являлись пояса из материи или кожаные (с набором бляшек) с подвешенным ножом в ножнах и огнивом (кресалом для добывания огня). Женский костюм украшали различные подвески к косам, спускавшимся по спине; к поясу-опояске прикреплялись металлические подвески с огнивом, кожаные кисеты, мешочки с пуповинами детей. Сохранились у алтайцев и прически древних тюрков, упомянутые китайскими историками, – как женские, так и мужские.

На основании сведений китайских письменных источников можно с уверенностью отнести к древним элементам традиционной культуры у алтайцев и некоторые обычаи – например, при распитии араки угощать друг друга, встав на одно колено, и петь песню. О некоторых обычаях свидетельствует терминология. Так, невестку у алтайцев называют словом *келин*, как и у древних тюрков. И у тех, и у других это слово означает «пришедшая», т.е. пришедшая в семью, пришелица. А это значит, что и у древних тюрков, и у алтайцев брак был патриархальным, т.е. невестка после замужества поселялась в семье мужа.

Да и из области общей культуры древних тюрков сохранились у алтайцев такие элементы, как календарь 12-летнего цикла исчисления времени, каждый год в котором именуется по названию животного. При этом порядок следования лет этого цикла и сами имена животных остались неизменными. Это вполне естественно, ибо древние тюрки в свое время обитали и в Горном Алтае, свидетельством чего служат находки древнетюркских рунических надписей на отдельных предметах из древнетюркских курганов, а также на скалах и отдельных камнях.

Показательно, что в этих надписях обнаруживаются некоторые специальные термины, до сих пор сохраняющиеся у алтайцев. Таково, кстати сказать, слово *аза*, которым и ныне именуется злого духа болезни. В этой связи уместно подчеркнуть сохранение у алтайцев шаманизма, в котором явственно проступают его древнетюркские исторические корни, причем в гораздо большей степени, чем в эпосе. У алтайцев вплоть до начала 20-х годов нашего столетия наблюдалось погребение вместе с умершим его ездового коня в верховой сбруе, что было характерно для погребального обряда древних тюрков. То же самое можно сказать и о вывешивании шкуры животного на месте жертвоприношения лошади или овцы. Пантеон древнетюркских божеств с их именами сохранился у алтайцев, как сохранились и такие культы, как культ огня или культ гор, посвящение коней божествам и др. Перечень древнейших традиционных элементов культуры в различных сферах жизни алтайцев можно было бы продолжить.

Краткая характеристика традиционной культуры алтайцев не оставляет сомнения в ее древнетюркских исторических корнях. Этот факт удостоверяется жизнеспособностью древней культуры кочевников, которая смогла сохраниться на протяжении многих столетий. Она сохранилась в ряде ее традиционных элементов и после Октябрьской революции, сумев выжить в политических условиях, обрекавших ее на полное исчезновение.

Примечания

¹ *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

² *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tü-küe). Bd. I. Wiesbaden, 1958. S.52.

³ *Ibid.* S. 470-472.

⁴ *Ibid.* S. 82.

⁵ *Потапов Л.П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 1977. С.172.

⁶ *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX веков. Л., 1980.

⁷ *Liu Mau-Tsai.* *Op. cit.* S. 462.

⁸ *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.

L. P. P o t a p o v. Culture of the Altaians – heir of the ancient civilization of the nomads of Central Asia

The article traces continuity of the traditional culture of the Altaians starting from the culture of the Turkic nomads. The author considers daily life, customs and beliefs of the latter, the status of some of their branches of economy and the like. The article shows also which specific things from the rich heritage of the Turkic nomads have passed to the material and spiritual culture of the modern Altaians.